

УДК 81'37

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫХ ПЕРЕОСМЫСЛЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СМЫСЛООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Бредихин С.Н., Вартанова Л.Р.

*ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь,
e-mail: bredichinsergey@yandex.ru; e-mail: vartanova74@rambler.ru*

В данном исследовании анализируются основные текстологические функции иносказания как переосмысленных конструкций на основе феномена «приращения смысла». Основными для рассмотрения служат термины «внутреннего понятия», «вербализованного понятия» и «концептуализированной структуры» как базовых этапов порождения и вербализации первичного значения и смысла текста, а также создания переосмысленного конструкта с иносказательными компонентами многомерного смысла, лежащими в основе глубинного смысла текста. Диалогический подход к рассмотрению текстопорождения, учет факторов адресата и адресанта в их общей рефлексивной деятельности, позволяют рассматривать текст как функционально-смысловое единство, целостное единство вербализованной и невербализованной рефлексивной реальности. Признание активной роли в созидании текстовой картины мира двух сознаний: авторского и читательского – означает, что объединяющим моментом в тексте является тот ключевой вопрос, осмысление которого определяет деятельность и автора, и адресата.

Ключевые слова: иносказание, внутренняя форма слова, смысл текста, трансформация структуры, константы смыслопорождения, концептуализация

TEXTUAL FUNCTIONS OF ALLUSIVE CONTEMPLATIVE PHRASES IN SENSE-MAKING

Bredikhin S.N., Vartanova L.R.

*FSAEE HPE «North-Caucasus Federal University», Stavropol,
e-mail: bredichinsergey@yandex.ru, e-mail: vartanova74@rambler.ru*

In this abstract the basic textual functions of allusive constructions as contemplative phrases are analyzed due to the «sense augmentation» phenomena. The terms «inner meaning», «meaning verbalization», «conceptualized structure» are used to define the basic stages of primary and text meaning creation and verbalization, and also for contemplated phrase with allusive multidimensional sense components creation, which make the implication. Interlocutory approach to text creation, considering the addressee and the addresser in their reflective activity, allows analyzing the text in its functional and sense unity, the verbalized and non-verbalized reflective reality unity. Recognition of the active role in the text worldview perception creation of the author and the reader – means that the unifying factor in the text is the key question, which determines the activity of both the author and the addressee.

Keywords: contemplation, inner word form, text meaning, structure transformation, sense creation constant, conceptualization

Проблематика текстологических функций иносказательных переосмысленных конструкций является базовой при рассмотрении текстопорождения в герменевтическом плане, основными концепциями при рассмотрении данного нетривиального вопроса являются теория диалогического взаимодействия в антропоцентрической парадигме, в контексте изучения психоментального взаимодействия нескольких рефлексивных реальностей в вербальной человеческой деятельности. Именно диалогический подход с учетом факторов продуцента/реципиента текстовой реальности в интерпретативной деятельности позволяет интегрировать несколько методологических подходов современной лингвофилософии и психолингвистики, что представляется наиболее перспективным для наиболее глубокого и полного анализа основных проблем теории текста.

В процессе исследования главным явились базовые вопросы функциональ-

но-смысловой суперструктуры текстовой реальности, а именно – понятие и анализ такого феномена, как текстовый смысл, глубинное содержание, не основанное на формально-сюжетном восприятии эксплицитной информации различных видов. Именно ответив на данный вопрос можно говорить о понятии текста как целостного единства вербализованной и невербализованной рефлексивной реальности.

Понятия, которыми мы пользуемся в данной статье, являются новыми для лингвистической науки, а значит необходимо их прояснение в рамках исследуемой проблематики. Предельно важным является осознание такого термина, как «внутреннее понятие», которое относится к сфере рефлексивной реальности и представляет собой интуитивно осознаваемый в рамках определенной лингвокультуры наиболее общий метасмысл (именной, глагольный и т.п.) – чаще всего понимание и вербализация данного смысла связаны

с типом лингвокультуры, принимающей и структурирующей объективную реальность как динамическую, статическую или эмотивно-оцениваемую. После осознания внутри определенной лингвокультуры на основе нозм-доминант феномена мировидения происходит дальнейшая реализация отрезка объективной реальности, превращенной в неотрефлексированный феномен рефлексивной реальности в понятие «невербализованное», которое закономерно должно вербализоваться в языковых структурах, сформировав рефлексивную составляющую «вербализованного понятия» на основе ядерного поля нозм-культурных-основ. И на данном этапе в слое мысле-коммуникации происходит герменевтическое о-смысливание понятия, но лишь в ближайшем релевантном контексте, здесь и формируется иносказательность, на базе интенциональной амфиболии общего конструкта и отдельных нозм-культурных-основ. Вербализованное понятие при привлечении в коннотативное поле смысла перефирических нозм субъективного мировидения приобретает статусную характеристику в концептуально-валерной системе и далее может рассматриваться как «концептуализированное».

На базе анализа различных работ в области лингвофилософии и теории текста можно сделать вывод о том, что понятие «смысла текста» как некоего глубинного конструкта связано с общими представлениями о собственно прагматико-целевой установке речевого акта и феномена сущности понимания, а не просто восприятия. Диалогичность в самом широком смысле, как основа верификации, выступает основой познания как определенного вида когнитивной деятельности и сознания как восприятия нового информационного потока во всех его ипостасях – это не есть обмен готовыми смыслами и компонентами значения, это процесс порождения и совместного созидания общего «объективного авторского смысла», который и определяет связность и значимость обоюдного рефлексивного опыта. «Производство новых смыслов, как и трансформация структуры в переосмысленных конструктах, формирующихся в новом речепроизводстве, превращается в процесс постоянного перетекания и мутации, пронизывающий всю когнитивную сферу» [4, с. 115]. При рассмотрении данного аспекта текст будет представляться как некое органическое единое функционально-смысловое пространство – текстовая реальность или ткань, а значит, представляет возможность создания совместных суждений об онтологическом.

Безусловным правилом для построения текстов, соответствующих данным параметрам, и интенционального сохранения прогностического восприятия и следования определенным, заложенным и имманентно содержащимся в тексте схемам действия, служит «...соединение и удерживание ситуаций и обстоятельств выполнения определенных языковых (интерпретирующих или порождающих) действий, что позволяет продуценту объединить и возвести их в некое единое сжатое представление» [3, с. 130].

Текстовый смысл не является некоей абстрактной сущностью, как это представляется многим исследователям, он не может быть отделен от продуцента и реципиента текста, учет факторов адресанта и адресата играет здесь ключевую роль, его границы не могут быть очерчены вне актов интендирования автора и интерпретативного мыслорождения реципиента. Вербализация рефлексивной реальности в преломлении через языковую составляющую текста создает субъективно-авторскую, интенциональную сторону переосмысления языковой единицы, превращая её в речевую и создавая коннотации иносказательности. Однако глубинный смысл не возможен без учета прогностической компоненты, он обязан включать в себя и учет возможной интерпретации реципиентом, возможные схемы действия задаются безусловно автором, но рождаются в результате восприятия и о-сознания иномирного восприятия чуждым сознанием читателя, текст в данном случае служит когнитивным инструментом восприятия затекстовой рефлексивной реальности автора, отражающей объективную реальность, обуславливающую ситуацию семиозиса.

В нашем исследовании мы часто упоминаем феномен «объективного смысла текста», постулирование факта о невозможности существования «объективного внутреннего смысла текста» является притчей во языцех и отстаивается многими авторами, утверждающими, что смысл, в отличие от компонентов значения, всегда субъективен. В действительности они в данном утверждении правы лишь отчасти, если понимать «объективность» в узальном смысле этого понятия, однако, принимая во внимание «объективность» как интенционально заложенную характеристику продуцента, с точки зрения автора «смысл реален и объективен», ведь авторская интенция предполагает структурирование и приписывание определенных «схем действия» по восприятию именно этого смысла, или воспринимать «объективность» как целеустановку на определенные виды схем действий реципиента по восприятию и о-сознанию текстовой ре-

альности и распредмечиванию смысла, то реализуемый в собственной рефлексивной реальности смысл тоже является «объективным» для читателя. Если же воспринимать смысл как единство совместного производства продуцента и реципиента, творимого в конкретной ситуации семиозиса, то хронотопические характеристики будут играть в этом процессе наиважнейшую роль.

Оппозиция продуцент – реципиент, в самом широком смысле этого слова, не как противопоставление, а как со-действие и со-порождение, не является достаточным основанием для понимания глубинного смысла текстовой реальности. Однако при речте всех типов хронотопа:

1) продуцент – реципиент,
2) персонажи порожденного текста между собой,

3) персонажи порожденного текста – реципиент,

4) продуцент – персонажи порожденного текста [11, с. 199], располагающихся в вертикальной оси координат Прото-текст – Текст – Метатекст [8], в которых репрезентируются нозмы, и константы распредмечивания некоего конкретного смысла, пронизывающего всю текстовую ткань, «сущность существования» «объективного текстового смысла» как автора, так и читателя определена посредством вертикального контекста в самом широком смысле (интер- и интралингвистически), во-первых, потому, что константа интенциональности продуцента прогнозирует герменевтическое понимание именно в таком ключе, во-вторых, потому, что подготовленный реципиент, применяя свои фоновые знания, свою интенцию в интерпретации текста нуждается в подтверждении и находит его в дальнейшем употреблении этого конструкта, но свою лепту вносит и константа ситуативности, так как мы видим развитие смысла и актуализацию различных нозм в различных ситуациях семиозиса с различающимися планами хронотопа.

Процессы смыслопорождения в аспекте диалогичности представляют собой явление совместного рождения и о-смысления объективной и рефлексивной реальности в контексте глубинного содержания, единого онтологического вопроса, в результате появляется некая вербализованная текстовая реальность как преобразованная и упорядоченная средствами языка рефлексивная реальность, некий индивидуально-субъективный и в то же время общий для автора и читателя мир. Отнесенность к данному единомыренному элементам и метаединицам текста является базой для целостности смысла тексту. Целостность, единство и структурированность

мира текстовой реальности обуславливается единством цели создания единого мира, стремлением о-смысления с помощью текста внетекстовой реальности выявить его закономерности, релевантные в эпистемологическом и онтологическом плане.

В процессе восприятия целостности возникает вопрос о некоторых элементах, данную целостность репрезентирующих, структурированная иерархия предполагает наличие квантов, метаединиц и метасвязей, из которых строится единство.

Квантами будут служить нозмы различных видов, а именно:

– нозмы-культурные-основы (указывающие на некоторые базовые смыслы лингвокультуры),

– нозмы-доминанты (воспроизводящие стереотипы и константы культуры),

– периферийные нозмы (представляющие собой устойчивые тематические направления развертывания нозм-доминант) [5, с. 12–13].

Данные элементы структурируются и получают иерархическое наполнение «на основе метаединиц общих схем, что играет роль ограничения в понимании, это барьеры для реципиента, определяющие сферу бытования смыслов той или иной областью, иначе процесс развертывания многомерного смысла и выстраивания все новых и новых рефлексивных актов превратится в бесконечно расширяющуюся вселенную» [6, с. 110]. Восприятие различных системных элементов, которые актуализируются в ткани текста, является объективно необходимым, ведь и продуцент, и реципиент воспринимают и опредмечивают различные элементы текстовой картины мира. Структурные мельчайшие элементы смысла, релевантные для осознания грани в данной конкретной ситуации семиозиса, воспринимаются и подвергаются категоризации, формируя узловые элементы – метаединицы, которые, в свою очередь, составляют общие «схемы действия». Данный набор категориальных признаков является ограниченным на фоне неограниченного набора смыслов, ограничен набор актуализированных нозм, в отличие от возможного их количества, но и это не может гарантировать решения проблемы абсолютизации субъективного понимания. Универсализация «схем действия» и огульное применение их к производству и пониманию многомерного смысла в первом случае дает новую деривационную модель, а во втором зачастую неадекватные результаты, укоренение привычки в процессе смыслопорождения являет собой смерть рефлексии, а значит, заострение в когнитивной сфере.

Все это предполагает наличие оппозиции «фактуального/концептуального смысла». Эта диалогичность и дихотомия коррелирует с «сущностью и поверхностным явлением». В общем и целом данный формат вычленения достаточно универсален, однако необходимо введение не только рационально-логического и герменевтико-ноэтического, но и интуитивного по А. Бергсону компонента. По замечанию А. Бергсона, интуитивное начало лежит в основе любого дискурса, эта константа интуитивного и является, по сути, главным предметом работы как продуцента, так и реципиента. Его часто невозможно вербализовать, и рассуждение об этом начале, попытка его репрезентации и есть работа автора (здесь мы включаем в нашу методологию ещё и константу интенциональности по выражению данного интуитивного). И даже приближение к этому интуитивно о-сознаваемому не есть прояснение понятого, о-сознанного, но есть процесс по порождению понимания; это некое прояснение существующего до языка, а иногда даже до смысла, некий центр притяжения, точка сингулярности.

В данной работе рассмотрение вербализации интенционального компонента иносказания мы проводим параллельно с анализом гносеологических потенций, позволяющих создать особый текстовый смысл с помощью переосмысленных иносказательных конструкций.

Под иносказанием мы понимаем особый комплекс приемов речемыслительной деятельности по переосмыслению исходной ноэтической структуры, которые базируются на окказиональном (интенционально-авторском) переносе различного вида ноем разного объема семантических единиц репрезентирующийся на уровне текстовой реальности посредством троп: метафоры, метонимии, оксюморона, иронии, аллегории, риторического вопроса, умолчания, определенных форм интертекстуальных вкраплений и др.

Иносказание создает необходимые для процесса понимания рецептивные трудности («помехи» понимания) в связи с окказиональностью своей формы и вариативностью истолкования. В то же время иносказательная организация текста содержит «подсказки», направляющие процесс смыслопорождения, к которым относятся образность, возникающая в результате переноса значений, экспрессивность и контекстуальность форм иносказания.

В аспекте смыслотворчества (как в порождении, так и в восприятии) специфика дискурса, основанного на иносказании, заключается в принципиальном отсутствии

у его продуцента и реципиента установки на очевидность, одномерность смысла. Сама же реализация многомерности и многогранности суперструктуры смысла в линейной материальной среде физически фиксируемого текста происходит благодаря лингвокультурно и концептуально маркированным элементам текста. Не подлежит сомнению огромная роль трансформационных стратегий и управления новыми деривационными смысловыми моделями в порождении и раскодировании дискурса. Именно с помощью трансформаций смысловой структуры продуцент имеет возможность вербализовать «смысловые скважины» [Жинкин 1982: 84], или некие окказиональные новообразования, играющие первостепенную роль в структурном построении текста (в данном случае под структурой понимаем взаимосвязь функциональных элементов всех уровней). В функциональном отношении данные образования могут быть приравнены к кодовым элементам, помогающим расшифровать смысл иносказательной конструкции. При построении иносказательного, многомерного, продуктивно неопределенного смысла на передний план выходят концептуальные компоненты, которые способны образовывать над-линейную иерархическую ноэтическую суперструктуру на уровне целостного и непротиворечивого восприятия текстовой реальности, и которые играют первостепенную роль в смысловой наполненности текста. В процессе восприятия текста реципиент наталкивается на сложные для понимания смысловые построения. Выстраивая эти суперконструкты смысла заново, он вынужден в ситуации модификации переходить с ноэтической на феноменологическую рефлексию, с чем и связана неоспоримая ценность этих парадигматических гипертекстовых выдвиганий. Формирование специфического текстового смысла, являющегося результатом иносказательного осмысления актуальной ситуации семиозиса. Иносказание в каждой конкретной ситуации вербализует субъективный, часто не узуальный способ познания мира человеком и позволяет сформировать смысл, не поддающийся вербализации иными способами. Иносказание, является индивидуальным актом интендирования, преодолевающим границы языка, деструктурирующим и порождающим новую картину мира, представляет собой новый взгляд на объективную реальность через призму собственной концептуально-валерной системы продуцента и реципиента, при этом «вторичная номинация» посредством переноса компонентного значения репрезентируются единство, универсальность и об-

щие законы мироустройства; сравнение как таковое здесь не при чем, это установление соответствий всеобщим законам. Иносказательный смысл является смыслом на третьем уровне абстракции – постулирование общности явлений в аспекте познания их внутренней сущности. Все вышесказанное позволяет определить иносказание как прием смыслопорождения, систематически отражает порядок актуализации интенционально-релевантных ноэм.

Выявление иносказательного смысла предоставляет новые возможности истинного гуманитарного истолкования смысла текста, как его глубинного содержания. Языковые и тестовые средства вербализации иносказательного находятся в каждом конкретном тексте в едином функционально-тематическом пространстве, образуя поля синонимичности и антонимичности, а тем самым внутреннюю диалогичность и амфиболичность текстовой реальности. В ткани текста на основе организации иносказательного проецируется внутренняя напряженность между «прямым», узуальным значением и вновь творимыми, окказиональными смыслами. Таким образом, иносказательная переосмысленная конструкция представляет собой прием текстового смыслопорождения, функциональные характеристики данного типа смыслопорождения кроются в согласованном, но не конвенционально, а интуитивно взаимодействии реципиента и продуцента, в результате данной интеракции создается «разделенный» смысл текстовой реальности.

Список литературы

1. Аликаев Р.С., Эмузова Э.А. К проблеме восприятия и понимания текста // Вестник КБГУ, серия «Филологические науки». – Выпуск 6. – Нальчик: КБГУ, 2003. – С. 27–30.
2. Бирюков Б. Учение о смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов.; под ред. Кузичевой З.А. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
3. Бредихин С.Н. Общие принципы смыслопорождения окказиональных образований философского дискурса // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – Вып. 67 (2). – С. 128–134.
4. Бредихин С.Н. Трансформации в речевом потоке: производство смыслов и управление деривационными моделями // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1 (038). – С. 115–124.
5. Бредихин С.Н. Сдвиги в семантических полях при актуализации периферийных ноэм как способ порождения многомерного смысла // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2014. – № 2 (87). – С. 12–16.
6. Бредихин С.Н. Метасредства как сложные структуры «схем действования» в пределах герменевтического понимания // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 4. – С. 110–113.
7. Галева Н.Л. Художественность текста как способ пробуждения рефлексии читателя // Языковые подсистемы: стабильность и динамика: Сб. науч. тр. – Тверь: ТвГУ, 2002. – С. 88–92.

8. Кузьмина Н.А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.irlras-cfrl.rema.ru:8101/publications/reports/perevod-2.htm>.

9. Мельников Г.Н. Теория языка и особенности языкового знака // Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – Ростов н/Д., 1977. – № 3. – С. 34–38.

10. Lakoff G. Linguistic gestalts. – Chicago: Chicago university press, 1977. – Vol. 13. – P. 236–287.

11. Milostivaja A. Text als pragmasynergetische Kommunikationsform // Aspekte der Sprachwissenschaft: Linguistik-Tage Jena. – 18. Jahrestagung der Gesellschaft für Sprache und Sprachen e.V. – Hamburg, Verlag Dr. Kovač, 2010. – P. 191–201.

References

1. Alikaev R.S., Jemuzova Je.A. K probleme vosprijatija i ponimaniya teksta // Vestnik KBGU, serija «Filologicheskie nauki». Vypusk 6. Nal'chik: KBGU, 2003. pp. 27–30.
2. Birjukov B. Uchenie o smysle i znachenii // Frege G. Logika i logicheskaja semantika: sbornik trudov.; pod red. Kuzichevoj Z.A. M.: Aspekt Press, 2000. 512 p.
3. Bredihin S.N. Obshhie principy smyslopороzhdenija okkazional'nyh obrazovanij filosofskogo diskursa // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. Vyp. 67 (2). pp. 128–134.
4. Bredihin S.N. Transformacii v rechevom potoke: proizvodstvo smyslov i upravlenie derivacionnymi modeljami // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2014. no. 1 (038). pp. 115–124.
5. Bredihin S.N. Sdvigi v semanticheskikh poljah pri aktualizacii periferijnyh nojem kak sposob porozhdenija mnogomernogo smysla // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2014. no. 2 (87). pp. 12–16.
6. Bredihin S.N. Metasredstva kak slozhnye struktury «shem dejstvovanija» v predelakh germenevticheskogo ponimaniya // Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. no. 4. pp. 110–113.
7. Galeeva N.L. Hudozhestvennost' teksta kak sposob probuzhdenija refleksii chitatelja // Jazykovye podsystemy: stabil'nost' i dinamika: Sb. nauch. tr. Tver': TvgU, 2002. pp. 88–92.
8. Kuz'mina N.A. Fenomen hudozhestvennogo perevoda v svete teorii interteksta [jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.irlras-cfrl.rema.ru:8101/publications/reports/perevod-2.htm>.
9. Mel'nikov G.N. Teorija jazyka i osobnosti jazykovogo znaka // Izv. Severo-Kavkazskogo nauchnogo centra vysshej shkoly. Obshhestvennye nauki. Rostov n/D., 1977. no. 3. pp. 34–38.
10. Lakoff G. Linguistic gestalts. Chicago: Chicago university press, 1977. Vol. 13. pp. 236–287.
11. Milostivaja A. Text als pragmasynergetische Kommunikationsform // Aspekte der Sprachwissenschaft: Linguistik-Tage Jena. 18. Jahrestagung der Gesellschaft für Sprache und Sprachen e.V. Hamburg, Verlag Dr. Kovač, 2010. pp. 191–201.

Рецензенты:

Ходус В.П., д.фил.н., заведующий кафедрой русского языка Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;
Гусаренко С.В., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.

Работа поступила в редакцию 12.02.2015.